

Отзыв официального оппонента
о диссертации Марии Дмитриевны Чертыковой
«Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки)»

Диссертация Марии Дмитриевны Чертыковой посвящена системному описанию важнейшего фрагмента хакасского лексикона – глаголам и фразеологическим единицам с глагольной вершиной со значением «психической деятельности», т.е. интеллектуальной деятельности, эмоций, восприятия, речи и поведения.

Новизна диссертационного исследования МД.Чертыковой определяется тем, что впервые в хакасском языкознании дано системное описание многозначности значительного пласта лексической системы, а именно глагольной лексики, описывающей различные типы состояний, актов и процессов, в центре которых находится человек – субъект, наделенный сознанием и способностью воспринимать окружающий мир, действовать и вступать в коммуникацию.

Исследование является в высшей степени **актуальным**: интерес к лексике, обозначающей различные аспекты внутренней жизни человека, особенно возрос в последние два десятилетия в связи с распространением когнитивистской научной парадигмы, позволяющей интегрировать в лингвистические исследования результаты изучения работы человеческого сознания, полученные в смежных науках – психологии, нейрофизиологии. Описание семантической сети подзначений глаголов хакасского языка, относящихся к данной области (с установлением отношений синонимии, антонимии, гипо- и гиперонимии) находится в русле наиболее бурно развивающихся сегодня направлений семантики.

Результаты анализа выбранной группы глаголов в хакасском языке представляют безусловную **теоретическую значимость**, причем не только для хакасского языкознания, но также и для теоретической семантики и практической лексикографии.

В частности, анализируя глаголы мнения, диссертант приходит к выводу, что в хакасском языке, так же, как и в русском, различными средствами выражается мнение-предположение (глагол *сагын-*, ср. русск. *думать*) и мнение-оценка (глагол *сана-*, ср. русск. *считать*). Представляет интерес также наблюдение диссертанта (с. 146) о различии двух типов значений «любить», выражаемых в хакасском языке двумя разными глаголами (*хын-* и *кӱӱлен-*), при этом второй не сочетается с отрицанием; в русском глаголе *любить* эти два значения выражаются синкретично, однако это различие обнаруживает себя при взаимодействии с отрицанием (которое может быть обычным и идиоматическим: *не любить*

= «испытывать неприязнь»), ср. исследования И.М.Богуславского, Ю.Д.Апресяна и А.Д.Шмелева.

Подробно и проникательно проанализирована диссертантом семантика глаголов памяти и забвения в хакасском языке. Как и при анализе других подгрупп глаголов, полученные выводы частично основаны на применении идей и результатов анализа способов концептуализации памяти в русском языке к хакасскому материалу, при этом сделан также ряд ценных оригинальных наблюдений, выявлено и описано множество производных значений глаголов памяти, проанализировано также значение относящихся к данному семантическому полю фразеологических единиц.

Представляется удачным выбор классификационного основания в группе глаголов интеллектуальной деятельности (оперирование знанием VS. обладание знанием), убедительно продемонстрировано, каким образом малочисленность ментальных глаголов в хакасском языке компенсируется их многозначностью. Значительный научный интерес представляет выполненное диссертантом описание механизмов образования производных значений глаголов интеллектуальной деятельности, в том числе – значений сложных глаголов, образованных присоединением вспомогательного глагола, выражающего то или иное акциональное значение, а также множество других удачных лексикографических решений.

Анализ семантики глаголов хакасского языка включает сопоставление как с родственными - другими тюркскими - языками, так и с неродственным русским языком. Сопоставление с другими тюркскими языками позволяет, в частности, выявить типологически релевантные семантические переходы – как уже зафиксированные в соответствующих базах данных (напр. в Базе данных семантических переходов в языках мира: <http://semshifts.iling-ran.ru/>), так и новые. К числу первых относятся, например, переходы: 'вести счет' – 'иметь мнение', 'смотреть' – 'иметь мнение', 'иметь мнение' – 'намереваться', 'хватать' – 'понимать', 'знать' – 'уметь', к числу вторых: 'иметь мнение' – 'тосковать', 'светиться' – 'радоваться', 'думать' – 'помнить', 'понимать' – 'помнить', 'жалеть' – 'любить', 'хвататься' – 'спохватиться' (последний переход имеет семантическую параллель в русском языке). Особого упоминания заслуживает проведенный диссертантом анализ до сих пор недостаточно исследованной группы глаголов внимания, внутри которого различаются два семантических типа: глаголы, отражающие внимание как познавательный процесс и глаголы, отражающие внимание как психофизиологический процесс. Данное разбиение представляется оправданным, несмотря на то, что психофизиологический и познавательный аспекты процессов, описываемого глаголами данной группы, тесно взаимосвязаны.

По результатам проведенного М.Д.Чертыковой исследования может быть сделан вывод о том, что внутренний мир человека – в целом достаточно детально проработанный фрагмент хакасской языковой картины мира. Кроме того, может быть реконструирована, например, такая существенная деталь, что в отличие от индоевропейских языков, где локусом эмоций является душа или сердце, в хакасской языковой картине мира им является печень – что выявляется на основании семантического перехода, описанного диссертантом на с. 152-153 в связи с семантикой одного из глаголов со значением «любить» (о различных возможностях локализации эмоций в языковой картине мира имеются, в частности, исследования В.А.Плугиняна, А.Д.Шмелева и М.М.Руссо).

Практическая значимость проведенного исследования безусловна: его результаты могут быть непосредственно использованы при создании толкового словаря хакасского языка, словаря синонимов, фразеологического словаря, а также в специальных курсах по семантике и лексикографии.

Обоснованность полученных выводов в подавляющем большинстве случаев не вызывает сомнения; **достоверность** полученных результатов обеспечивается верификацией выдвигаемых положением на огромном языке материала и высокой профессиональной компетенцией автора.

К достоинствам работы следует отнести четкую формулировку цели и задач исследования, а также тот факт, что «интуиция исследователя» справедливо рассматривается как один из ведущих методов анализа.

Безусловным достижением с точки зрения теоретической семантики и лексикографии является последняя глава, в которой систематизированы синтаксические модели, представленные проанализированные диссертантом хакасские глаголы всех рассмотренных групп.

Вместе с тем следует указать и на недостатки.

1. В работе применяется классический структуралистский компонентный анализ: семантика глагола понимается как состоящая из элементарных смыслов, или сем. Однако как показали семантические исследования последних десятилетий, компонентный анализ должен быть как минимум дополнен путем применения более гибких и тонких инструментов – методов различения коммуникативных статусов формирующих семантическую структуру слова компонентов (презумпция, ассерция, импликация, коннотация, слабый компонент, модальная рамка и т.д.), способов представления случаев синкретизма и др. Иногда автор в своем анализе де факто преодолевает ограниченность используемого концептуального аппарата, но в некоторых случаях он выбранный метаязык не дает возможности точно выразить мысль. Так, например, недостаточно убедительным представляется анализ глаголов

группы контроля (проверки): рассмотрены всего два близких по набору значений однокоренных глагола; утверждение, что в данной группе «накладываются друг на друга такие *дифференциальные семы*, как «зрительное восприятие», «знание общепринятых норм», «умственная концентрация», «обработка полученной информации», «выявление отклонений от нормы», «исключение отклонений от нормы в дальнейшем» (с. 109) представляется несколько странным. Дифференциальные семы, согласно замыслу авторов данного понятия – это те, которые *различают* близкие слова или значения. При этом в реальности разные семантические компоненты действительно могут в каких-то случаях *накладываться* друг на друга, не переставая быть дифференциальными в каких-то других.

2. В своем исследовании диссертант опирается преимущественно на относительно старую литературу по глаголам эмоций (И.В.Арнольд [1970, 1979], Н.Д.Арутюнова [1980], Л.М.Васильев [1982, 1983], В.Г.Гак [1971], И.А.Стернин [1979, 1985], Д.Н.Шмелев [1973]; Бабенко 1982, 1985, 1989б; Гайсина 1982, Жуковская 1975; Зализняк 1983; Похмелькина 1975; Мыльникова 1969; Шаховский 1987, и др.) Между тем данная проблематика продолжает разрабатываться в рамках современных – корпусных, когнитивных – направлений (ср., в частности, работы В.Ю.Апресян в области семантики обозначений эмоций, прежде всего – статью «Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты», опубликованную в двух номерах ВЯ в 2011 г. и учитывающую все достижения мировой лингвистики последних лет в этой области). Некоторые относительно недавние работы Ю.Д.Апресяна и В.Ю.Апресян в работе цитируются; широко используется также основополагающая статья А.Б.Пеньковского о различии между радостью и удовольствием и некоторые другие актуальные исследования. Однако странно выглядит отсутствие упоминания монографии А.Вежбицкой, целиком посвященной обозначениям эмоций (Wierbicka 1999). Не меньше лингвистических сочинений опубликовано в последние два десятилетия и о ментальных глаголах; в частности, при анализе глаголов со значением «понимать» было бы полезно использовать работу Иомдин 2006 (см. раздел «Языковая модель понимания» в книге Апресян 2006), в которой подробно проанализированы все типы понимания и способы реализации соответствующих значений в русском языке. Существенные достижения имеются и в области общих принципов современной лексикографии и в области лексикографического представления глаголов со значением психической деятельности, отражены, в частности, в книге «Языковая картина мира и системная лексикография» под руководством Ю.Д.Апресяна, в книге Е.В.Падучевой «Динамические модели в семантике лексики» (последняя работа цитируется диссертантом, но содержащиеся в ней достижения в области системного описания лексики практически не используются) и в ряде других работ отечественных и зарубежных исследователей,

посвященных специально эмоциям страха, гнева, сожаления, обиды и др. Ну и наконец, последние достижения отечественной теоретической семантики, реализованные на практике, отражены в двух словарях, созданных под руководством Ю.Д.Апресяна – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (2006) и относительно недавно начавший выходить Активный словарь русского языка. Техника выделения позначений, принципы их иерархизации и установления между ними разного рода системных отношений могли бы быть применены и для исследования соответствующих глаголов хакасского языка.

Диссертант опирается на классификацию глаголов, предложенную Л.М.Васильевым. Книга Васильева «Семантика русского глагола», действительно, замечательная, и во многом сохраняет свою актуальность, но все же это книга 1981 года, с тех пор в области классификации типов глагольных значений, а также типов глаголов эмоций и других «психических состояний» было достигнуто немало успехов. В частности, «фундаментальная классификация предикатов» Ю.Д.Апресяна (которую автор приводит, но не использует) построена с учетом большего числа параметров и является безусловным шагом вперед по сравнению с классификацией Васильева.

3. Некоторые утверждения общего характера представляются ошибочными, например: «Хотя ЛСГ глаголов в разных языках, в целом, имеют схожую иерархическую структуру, но ее содержательная и формальная сторона варьируются в зависимости от национальной специфики конкретного языка, что является следствием воздействия окружающей среды, особенностей условий проживания, исторических и культурных традиций.» (с.81). Современная наука не усматривает связи между спецификой национального языка и особенностями окружающей среды и условий проживания этноса. Определенная зависимость языковой картины мира от культурных и исторических традиций говорящего на данном языке этноса, безусловно, существует, однако она имеет более сложный и двусторонний характер, при этом в мировой лингвистике вопрос о характере данной зависимости продолжает оставаться дискуссионным.

4. Отсутствие в хакасском языке глаголов со значением «обиды», отмечаемое автором (с.171), объясняется тем, что *обида*, *обидно*, *обидеться* – это лингвоспецифичные слова русского языка, заключающие в себе специфическую концептуальную конфигурацию, обозначение которой отсутствует, в частности, в языках Западной Европы, см. подробное описание данного концепта в коллективной монографии Анна А.Зализняк, И.Б.Левонтина. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

5. Вызывает сомнение правомерность выделения категории «нейтральных эмоций», к каковым автор относит эмоцию удивления и беспокойства. Более общепринятой, и по-видимому, справедливой, является точка зрения, что эмоцию бывают только положительные

и отрицательные (другое дело, что бывают «смешанные чувства», а также сложные эмоции типа зависти или злорадства). Действительно, беспокойство – очевидно, внутреннее состояние с отрицательным знаком, а удивление является эмоцией лишь в той мере, в которой оно включает оценочный компонент (либо положительный, либо отрицательный): в противном случае это не эмоция, а чисто ментальное состояние.

6. Досадным недостатком работы является обилие технических, стилистических и даже грамматических (управление глаголов и т.п.) погрешностей; например:

- с. 18: «Проведенные наши исследования и выработанные методы их описания» (имеются в виду, очевидно, методы описания глаголов, а не исследований; местоимение «наши» употреблено некорректно); с. 183: «Сема «ситуация прогностическая» свойственна только глаголу *ўрўк-*, которая далее членится на «страх перед неизвестностью»» (что бы то ни было может члениться лишь на что-то *И* что-то), и т.п.;
- с. 52: «Иерархию структур глагольных ЛСГ рассмотрим на примере хакасских ЛСГ глаголов...» – пропущено слово «говорения»;
- с.56: приводить греческий оригинал для слова *парадигма* в диссертационном исследовании не обязательно, но если уж это делать, то желательно без ошибок (должно быть: *παράδειγμα*);
- с. 42: мысль Е.В.Падучевой передана следующим образом: «глаголы *скрыться*, *деться*, *задеваться* переходят в разряд глаголов перемещения»; однако в цитируемой работе утверждается, наоборот, что в данных глаголах следствием перемещения является выход из поля зрения;
- на с. 94 делается утверждение о наличии у глагола *онна-* (с исходным значением «понимать») производного значения «помнить», однако примеры приводятся на другие производные значения, а возможность реализации значения «помнить» иллюстрируется лишь на с. 124;
- с.109: название раздела 2.2. «Глаголы со значением интеллектуального состояния (знания)» сформулировано некорректно: «интеллектуальное состояние» включает как знание, так и мнение, ср. подраздел 2.2.2 «Глаголы со значением мнения»;
- приводимые переводы на русский язык часто представляют собой неправильные русские фразы, что затрудняет понимание значения обсуждаемого хакасского глагола; так, например: *Хынганының көңлүн пазыдынаң даа сис салча* (с. 99-100) переводится как «Своего любимого *понимает* даже по его походке»; так по-русски сказать нельзя, видимо имеется в виду «узнает»; тем самым производное значение «понимать» у глагола *сис-* с исходным значением «замечать», данным примером

проиллюстрировано быть не может. При этом анализ самого глагола **сис-** и множества остальных его производных значений является достаточно обоснованным и представляет несомненный интерес.

- библиография оформлена довольно небрежно; в частности, множество работ одного автора не всегда упорядочено по годам; в тексте диссертации имеются ошибки в ссылках на литературу (напр. на с. 42: должно быть: Падучева 2004);

и т.д.

При публикации данного исследования (каковая представляется желательной, по крайней мере, в отношении глав, посвященных описанию хакасского языкового материала) текст должен быть тщательно отредактирован.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку исследования.

Диссертация М.Д.Чертыковой является самостоятельной завершённой работой, имеющей существенную теоретическую и практическую значимость. Опубликованные работы и автореферат в полной мере отражают содержание исследования. Исследование М.Д.Чертыковой отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор Мария Дмитриевна Чертыкова заслуживает присуждения ей степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки)».

Главный научный сотрудник
отдела типологии и ареальной лингвистики
Института языкознания РАН, д.ф.н.

125009, Москва,
Б. Кисловский пер., 1, стр.1
Тел.: (495) 690-35-85
Факс: (495) 690-05-28
E-mail: iling@iling-ran.ru

Анна А. Зализняк

19 сентября 2016

Подпись *Зализняк А.А.*
Удостоверяю
«09 09 2016 г.
Заместитель директора *[подпись]*